

Теплицкий, Р. У художника есть кисть! / Р. Теплицкий. – Текст : непосредственный // Комсомолец Кузбасса. – 1964. – 31 мая. – С. 3 : ил.

У художника есть кисть!

Было в этом рисунке то, что не может оставить равнодушным даже человека, не разбирающегося в тонкостях живописи.

Над белым безмолвием покрытых снегом сопок, с молчаливыми одинокими елями, – стремительное, словно приготовившееся к прыжку, небо. И все в целом – кажущийся покой переднего плана и сдержанная тревога фона – придавало простому рисунку необычную динамичность, ощущение присутствия человека, готового к сватке с природой, понимание ее внутренних пружин.

Так, заочно, по этому рисунку познакомился я с его автором – Василием Чульжановым.

В первую же встречу с ним я увидел множество других его рисунков и гравюр. Услышал от него поэтичные, одухотворяющие природу шорские легенды о говорящих скалах, голубых оленях, превратившихся в каменные изваяния, о красавице Мрас-Су.

По его совету, я сидел на берегу живой, величавой Мрас-Су. По реке, выбиваясь из сил, против течения, сновали узконосые и длинные, как пироги индейцев, моторки.

Слева в молочно-розовом тумане курилась гряда сопок, а прямо через Мрас-Су – четкая черно-фиолетовая линия гор, сгущенная зелень елей, словно брошенных на фиолетовый фон смелой кистью художника.

Красота природы входила в меня, становилась неотъемлемой от всего окружающего; и я понимал, что начинаю смотреть на нее глазами и сердцем Василия Чульжанова.

Неожиданно я вспомнил перрон Кемеровского вокзала и поезд «Кемерово – Новокузнецк». И мне вдруг захотелось расхохотаться в лицо этой вековой глупости, которая утверждает: «В здоровом теле – здоровый дух».

В тамбуре мягкого вагона стояли два упитанных, атлетического сложения типа в модных синтетических костюмах

Один из них, поминутно поправляя белый галстук, лениво и с каким-то барским высокомерием отчитывал молоденькую проводницу:

– Вы меня не пытайтесь раздражить. Подумаешь: с ребенком! Подумаешь: им нужна нижняя полка. Дайте мне другое купе. Предупреждаю, – говорил он, напирая на «р» и грассируя, – я пока очень спа-а-койный, оч-чень спа-а-койный. Так что не пытайтесь меня раздражить. От него исходила самоуверенная сытость и сознание собственного превосходства. Того дешевого превосходства, которое заставляет его поднять глаза на дуб только потому, что на нем растут желуди. Я вспомнил эту сценку на вокзале и подумал о том, что вот здесь, в Мысках, живет человек из тех, которых раньше несколько пренебрежительно называли «провинциальными интеллигентами² и которые дали миру Циолковского.

Он не носит синтетических костюмов. Он очень болен. Но духовно, нравственно – он нестигаемо силен и здоров.

Весной Мрас-Су взламывает оковы льдов и, могучая, полноводная, сливается с Томью.

Наступает период большой воды, когда через знаменитые пороги на Мрас-Су, что в девяноста километрах от Мысков, можно сплавливать лес.

Деревушка Акколь, родина Василия Чульжанова, расположенная как раз у слияния Мрас-Су с Томью, превращается в миниатюрную Венецию.

В половодье над Акколью бывают медно-кирпичные, грозящие бедой, закаты. Но жители деревни исстари привыкли бороться со стихией и спокойно плавают друг к другу в гости на лодках.

Когда вода спадает, сопки, окружающие Акколь с трех сторон, становятся малахитовыми.

Так было и раньше, много лет назад, когда любознательный шорский мальчонка Вася Чульжанов, едва спала вода, уходил в горы и по реке в поисках неведомого.

Напротив Балбыни, на Томи, он на удивительно гладких, отполированных веками каменных плитах делал свои первые росписи, наблюдал за перекочевками белок, неведомо как заранее предугадывающих неурожай на пихтовую шишку.

В июне сорок первого он закончил десятилетку. Подготовлены к отправке в Академию художеств документы. Наивная и юношески самоуверенная

мечта: «Мир ждет моего явления как художника». Но уже двадцать второго июня они всем выпуском явились в военкомат, требуя отправки на фронт.

Обычные вехи его поколения: необстрелянный солдат – опытный артиллерийский разведчик. Волгоград, Курск, форсирование Днепра, Яско-Кишиневская операция. И День Победы, встреченный в Болгарии.

После демобилизации – работа в школе. Нехватка учителей, чрезмерная загруженность уроками. Неожиданные приступы усталости, с которыми не могут бороться ни таежные походы, ни рассветы, встречаемые на Мрас-Су. Привычное ко всему, закаленное тело все чаще сотрясает сухой, испепеляющий жар. Он едет на комиссию в Новокузнецк. Туберкулез.

Василий Чульжанов хорошо помнит, как тогда, после рентгена, врач строго выговорил ему за то, что он очень запустил болезнь. Тогда, тринадцать лет назад, он был потрясен диагнозом. Но он, коммунист Василий Чульжанов, не сдался.

Ему нельзя работать с детьми? Чульжанов ушел в школу рабочей молодежи, и многие из его учеников сейчас имеют высшее образование.

Не хватает сил работать в вечерней школе? Он сотрудничает в городской газете, воюет с сектантами, помогает горкому комсомола в организации сатирических фотовикторин, активно участвует в работе литературного кружка.

На два-три месяца в год его приковывает постель? Что ж он не будет тратить этого времени даром. Чульжанов берет за кисть, резец и карандаш и здесь находит свое настоящее призвание.

В нынешнем году Чульжанов надолго слег в постель. Весна с ее бурными ливнями, прозрачными туманами и столбы радуг, переброшенных через Мрас-Су, – все то, что питает его творчество, – проходила мимо. В окна его квартиры заглядывали лишь тонкие пахучие веточки тополей.

Он, лежа в постели, ловил в телеобъектив взъерошенных, возбужденных синиц и ночами, оставляя на окне фотоаппарат с открытым объективом, снимал молнии.

Когда 25 мая я приехал в Мыски, Чульжанов, еще совсем слабый встал с постели.

Мы сидели в его квартире. На книжных полках томики классиков, современных писателей, массивные тома «Всеобщей истории искусств», стопки журналов «Фото» и «Творчество».

Мы говорили с Чульжановым обо всем, кроме его болезни. О старинных японских гравюрах, о Фаворском, о влиянии шорского фольклора на его творчество.

Он полон планов и идей, этот человек, уже в зрелом возрасте овладевший нотной грамотой и скрипкой – в доме уже звучали «Грезы» Р. Шумана и на пальцах обозначились скрипичные «копытца».

Чульжанов встревожен падением добычи пушнины в Горной Шории, у него на этот счет есть свои идеи, которыми он уже поделился с охотоведами. Он, например, критикует горком комсомола за то, что активисты не привлекают его для создания эффективных средств наглядной агитации.

Василий Чульжанов с увлечением говорит о своей новой профессии чертежника на лесоперевалочной базе. О том, что это очень интересно – делать эскизы и чертежи конических цилиндрических и других видов шестерен.

Он ничего не говорит о том, что ему художнику, как воздух необходимо творческое общение, что пора его ученичества давно уже закончилась. Он не требует никакой скидки на болезнь при оценке его графики. Тем более, что сам Чульжанов понимает то, что линии его рисунка – это обычная слабость самоучек – еще не тверда.

Чульжанов мало говорит о своем творчестве, о том, что стало смыслом его жизни. А я думаю именно об этом. О его слабых и сильных руках, которыми он с колоссальной энергией работает по линолеуму, создавая свои одухотворенные пейзажи, с которыми он неразрывно связал всю свою трудную жизнь.

Я думаю об этом настоящем коммунисте, удивительно чистом по настрою человеке, который побеждая недуг, несет людям радость.

Рудольф Теплицкий